

Е. А. ВЛАСОВА

О СУДЬБЕ КОНСТРУКЦИИ *JAKO* RESCITATIVUM В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ XI—XVI ВВ.

Данная статья посвящена широко обсуждаемой в работах по историческому синтаксису конструкции *jako* rescitativum — одному из способов передачи чужой речи, в которой за изъяснительным союзом **яко** следует прямая речь. Исследователи неоднократно обращали внимание на частотность указанной конструкции в старославянских текстах, рассматривая ее как синтаксическую кальку с греческого, ср. соответствия (цитируются по работам [Вайан 1952: 407; Collins 1996: 43]): **Вы глаголете ꙗко власнимъ лѣши** — греч. ὑμεῖς λέγετε ὅτι Βλασφημεῖς (Лк X: 36). Название *jako* rescitativum закрепилось по аналогии с греческой конструкцией ὅτι rescitativum, в которой после изъяснительного союза ὅτι также широко допускались элементы прямой речи [Вайан 1952: 407].

Поводом для дискуссии вокруг *jako* rescitativum стало то, что примеры с **яко** при прямой речи в большом количестве встречаются не только в старославянских источниках, но и в непереводах древнерусских текстах, при этом сами контексты совершенно нейтральны в отношении признаков книжности, ср. некоторые примеры, обсуждаемые в работах [Истрина 1923: 40—41; Лопатина 1979: 434, 436]: **въ то же лѣто выиде князь Святославъ изъ Новгорода на Лѹкы, и присла въ Новѣгородѣ, яко не хоцю ꙗ васѣ княжити** (Новгородская первая летопись, 1167, л. 34); **рече же имъ Ольга яко гзѣ ꙗже мьстила есмь мѹжа своего** (Повесть временных лет, 946, л. 23).

В вопросе о функциях конструкции *jako* rescitativum в оригинальных восточнославянских текстах в настоящий момент нет единого мнения. Некоторые исследователи считают эту конструкцию синтаксической чертой церковнославянских текстов, а **яко** исключительно книжным союзом [Обнорский 1946: 68—69; Борковский, Кузнецов 1963: 483; Collins 1996: 43]. Согласно другой точке зрения, **яко** был общеславянским союзом, а конструкция *jako* rescitativum, представленная в старославянских и раннедревнерусских текстах, отражала начальный этап формирования косвенной речи, когда семантическая связь уже маркировалась союзом **яко**, однако грамматическое подчинение чужой речи было нерегулярным [Лопатина 1979: 434; Преображенская 1991: 102; Хабургаев 1986: 426; Daiber 2009: 379, 382—

383]. Высказывались также предположения о том, что **так**о в контекстах с чужой речью был не просто формальным маркером начала цитирования, но и модальным показателем, связанным с семантическим полем достоверности [Лопатина 1979: 435, 437]. Одним из аргументов исследователей в пользу указанной точки зрения является этимологическая близость **так**о современному модальному союзу *якобы*, до сих пор используемому в русском и польском языках [Perelmutter 2009: 119; Wiemer 2008: 19].

В настоящей статье поставлена задача уточнить существующие представления о функциях и семантике *jako* recitativum на материале русских летописей XI—XVI вв., в которых указанная конструкция широко представлена на протяжении всего рассматриваемого периода.

В качестве источников для исследования выбраны летописные памятники крупнейших центров Древней Руси: Повесть временных лет XI—XII вв. (ПВЛ), Киевская летопись за XII в. (КЛ), Суздальская летопись за XII—XIII вв. (СЛ), Новгородская первая летопись по Синодальному списку XIII—XIV вв. (НПЛ), а также летописание Галича и Владимира Волынского XIII в., представленное в так называемой Галицко-Волынской летописи (ГВЛ), которую ранее было принято исследовать как единый источник, описывающий события Юго-Западной Руси [СККДР]. В данной статье ГВЛ рассматривается как две летописи — Галицкая летопись за 1201—1260 гг. (ГЛ) и Волынская летопись за 1261—1292 гг. (ВЛ), поскольку между указанными частями установлены значительные грамматические и стилистические различия (см. работы [Ужанков 1989: 281; Юрьева 2013: 144]). Чтобы проследить преемственность в способах передачи чужой речи между древнерусским (XI—XIV вв.) и старовеликорусским (XIV—XVI вв.) периодами, в качестве позднего источника исследована заключительная часть Никоновской летописи (НЛ) с 1362 по 1558 гг. — официального свода Московского княжества.

Ключевым для данного исследования является представление о формировании в крупнейших центрах Древней Руси региональных летописных традиций, которые различаются по стилистическим и языковым признакам [Гиппиус 2009а: 182—185]. Лингвистические исследования летописных текстов выявили их сходство и преемственность по отношению друг к другу. Текст ПВЛ в языковом отношении неоднороден: в части, отражающей начальное летописание, наблюдается тенденция к синтаксическому «примитивизму», на участках с признаками более поздней редакции широко используются церковнославянские конструкции [Гиппиус 2001: 179]. Лингвистически близкие традиции представлены в КЛ, СЛ и ВЛ: перечисленные источники широко отражают элементы древнерусского узуса, при этом в СЛ книжный компонент также широко представлен [Шевелева 2010: 212—213; Юрьева 2013: 144]. НПЛ содержит довольно большое количество архаичных и некнижных черт, а также отражает влияние других традиций древнерусских центров [Гиппиус 2009: 72—73]. Характерная особенность ГЛ — последовательное использование маркированных книж-

ных конструкций на протяжении всего летописного повествования [Юрьева 2013: 149]. При анализе НЛ за 1362—1558 гг. важно учитывать ее компилятивный характер: составитель использовал несколько более ранних источников, отражающих разные региональные традиции, а также широко привлекал книжные тексты, особенно в части, совпадающей с периодом «второго южнославянского влияния» и отражающей интерес составителя к событиям церковной истории [Клосс 1980: 51].

Перечисленные свойства источников дают представление об использовании *jako recitativum* как в летописях, ориентированных на восточнославянский узус (НПЛ, КЛ, СЛ и ВЛ), так и в летописях, лингвистически близких книжной церковнославянской традиции (ПВЛ, ГЛ).

Древнерусский период

1. Типы контекстов с *jako recitativum* в древнерусских летописях XI—XIV вв.

В исследованных древнерусских летописях выявлено два типа употреблений *jako recitativum*:

— книжные цитаты из библейских и литургических текстов (Евангелия, Апостола, Псалтыри и др.), например: **свѣѣ сѧ над нимъ притча еѡаѡльскаѧ тако всакъ възносисѧ смѣритсѧ а смѣрагасѧ възнесетсѧ и пакы еѡже мѣроу мѣрите възмѣритсѧ вамъ** (СЛ, 1206, 144 об.);

— оригинальные цитации, то есть чужая речь действующих лиц повествования, ср.: **и малоу же времени минуѡвшоу присла Доброславъ на Григорѧ река тако невѣренъ ти естъ** (ГЛ, 1240, 266 об.).

Количество употреблений *jako recitativum* в книжных цитатах и оригинальных цитациях представлено в Таблице 1:

Таблица 1

Книжные цитаты и оригинальные цитации с *jako recitativum* в древнерусских летописях

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ	Всего	
Книжные цитаты	10	6	2	1	7	1	27	15%
Оригинальные цитации	64	15	53	0	7	16	155	85%
<i>всего</i>	74	21	55	1	14	17	182	100%

Таблица 1 содержит важные сведения о частотности *jako recitativum* и характере ее употреблений в летописном узусе. Как показывают данные, *jako recitativum* относится к широко используемым синтаксическим конструкциям: всего зафиксировано 182 употребления, причем в 85% случаев

конструкция используется для передачи чужой речи действующих лиц, вне книжных цитат.

Из Таблицы 1 видно, что *jako recitativum* используется в исследованных источниках неравномерно. В более книжных ПВЛ и ГЛ указанная конструкция является частотной — около 50—60 примеров. В КЛ и СЛ, а также в НПЛ, широко допускающих элементы живого узуса, *jako recitativum* используется регулярно (от 7 до 16 примеров), но значительно реже, чем в более книжных летописях. Интересно то, что в ВЛ, близкой КЛ, *jako recitativum* не используется вовсе, а союз **яко** отмечен только в составе книжной цитаты при причастной конструкции: **прведемъ ѡ тебе ѿ стѣхъ писани реное яковомъ апамъ яко вбративы грѣшника ѿ заблуженна** (ВЛ, 1288, 302 об.). Таким образом, отчетливо прослеживается связь указанной конструкции с параметром «книжность»: чем в большей степени летопись лингвистически ориентирована на книжный узус, тем шире используется *jako recitativum*.

2. *Jako recitativum* в системе способов передачи чужой речи

Летописные традиции различаются не только по количеству употреблений *jako recitativum*, но и по характеру функционирования и эволюции этой конструкции в летописном узусе. Далее описаны только оригинальные цитации действующих лиц летописной истории, книжные цитаты исключены из рассмотрения.

Исследование летописей XI—XIV вв. показывает, что ключевым процессом в истории формирования способов передачи чужой речи стала конкуренция двух синтаксических моделей с изъяснительной связью — *jako recitativum* и сложноподчиненного предложения с союзами **оже** и **аже** (далее используются термины *že*-модель и *že*-союзы, поскольку указанные союзы являются этимологически родственными современному западнославянскому союзу ‘что’).

С точки зрения развития грамматического подчинения *jako recitativum* как синтаксическая модель является более архаичной, поскольку отражает тот этап, когда в придаточной части еще не была обязательной замена элементов прямой речи (точка отсчета *я—ты*) на анафорические отсылки 3 лица [Преображенская 1991: 100—102]. К XII в. в древнерусских летописях получает распространение более прогрессивная модель с *že*-союзами и регулярными анафорическими отсылками в придаточной части — она используется главным образом при предикатах ментально-перцептивной семантики (**оу**)слышати / (**оу**)вѣдати / (**оу**)видѣти, а также при глаголах речи со значением ‘сообщить’ и некоторых других опорных словах, характеризующих цель сообщения (подробно указанный процесс описан на материале КЛ и СЛ в работе [Шевелева 2009]).

Синтаксические процессы живого древнерусского языка, такие как развитие синтаксического подчинения и анафорических связей, а также появ-

ление модели косвенной речи с *že*-союзами становятся стимулом для изменений в структуре и употреблении конструкции *jako recitativum*. Исследованные летописные источники отражают разные этапы конкуренции *jako recitativum* и косвенной речи с *že*-союзами в области передачи чужой речи.

1. В ПВЛ и ГЛ, ориентированных на книжную традицию, решительно преобладает *jako recitativum* — 64 примера в ПВЛ и 53 примера в ГЛ. Приведем некоторые из них:

- ... ркоша же послании **яко** **придохомъ** к нему и **въдахомъ** дары и не позрѣ на **на** (ПВЛ, 971, 28);
 ... и посла Блудъ къ Володимеру глаголю **яко** събыса мысль твою (ПВЛ, 980, 30 об.);
повѣдаша во ему **яко** хотѣтъ тѣ погубити (ПВЛ, 1015, 50);
 ... и прииде Мьстиславу **вѣсть** **яко** послаатъ ти **отць** (ПВЛ, 1096, 87 об.);
 ... и посласта Кондратови **рекоуще** **яко** тебе **дѣла** изнидоша на **наю** Лахове (ГЛ, 1249, 269 об.);
 ... богаре же **пришедше** падше на ногу его **просише** **мѣти** **яко** **согрѣшихомъ** ти **инога** **кнѣзѣ** **держажомъ** (ГЛ, 1235, 263).

В более книжных ПВЛ и ГЛ древнерусская модель с *že*-союзами для передачи чужой речи не используется, однако тенденция к развитию грамматического подчинения приводит к появлению анафорических отсылок в придаточной части после союза *яко* и трансформации *jako recitativum* в косвенную речь.

Первый пример с косвенной речью после *яко* в ПВЛ зафиксирован только в статье 1096 г.:

- ... прииде же **вѣсть** к Олгови **яко** сторожеве его **изоманѣ** (ПВЛ, 1096, 87).

Статьи 1095—1096 гг. имеют важное значение для текстологической структуры ПВЛ, поскольку они разделяют Начальное летописание и дополнения Киево-Печерского периода XI—XII вв. (подробнее см. [Гиппиус 2012: 42]). В случае с *jako recitativum* лингвистические данные согласуются с текстологическими исследованиями: в части ПВЛ до 1095 г., восходящей к начальному летописанию, широко используется более книжная и архаичная по структуре *jako recitativum*, в части после 1095 г. в ее структуре появляются инновации, отражающие живой процесс древнерусского языка — развитие анафорических средств синтаксической связности.

В ГЛ XIII в. также выявлено три примера трансформации *jako recitativum* в косвенную речь:

- ... тогда же Тевтилъ **привѣже** к Данилоу и Жемонть и **Гѣтвалъ** **река** **яко** **Мндовгъ** **оубѣди** **ѣ** **серевромъ** **многимъ** (ГЛ, 1253, 275);
 ... Ростислав же **показа** **правдоу** свою **яко** **не** **естъ** во **свѣтъ** с **Миханломъ** (ГЛ, 1240, 266);
 ... и **похвалиша** **Ба** и **сѣго** **Дмитръ** **яко** **накорми** **ѣ** (ГЛ, 1213, 250).

Таким образом, более книжные летописи, такие как ПВЛ и ГЛ, показывают, что одним из направлений грамматической эволюции конструкции *jako recitativum* является ее трансформация в косвенную речь в результате появления анафорических отсылок 3 лица в придаточной части. Указанный процесс все же не получил широкого развития — примеры единичны даже в ГЛ XIII в.

2. НПЛ отражает ситуацию, близкую более книжным летописям: в НПЛ для передачи чужой речи не используется модель с *že*-союзами, несмотря на широкое отражение не книжных черт по другим грамматическим параметрам. По сравнению с более книжными летописями, *jako recitativum* используется в НПЛ значительно реже — всего зафиксировано 15 примеров, среди них 4 дейктически нейтральные, ср.:

... а жену его яша, рекуче, яко «ти на зло князя водять» (НПЛ, 1228, 106 об.)¹;

... И приде вѣсть въ Пльсковъ, яко взяша Нѣмци Изборьскъ (НПЛ, 1239, 127 об.).

В отличие от более книжных источников, примеров трансформации *jako recitativum* в косвенную речь в НПЛ не встретилось. Таким образом, НПЛ отражает промежуточную ситуацию в развитии способов передачи чужой речи: модель косвенной речи еще не сложилась, однако количество употреблений *jako recitativum* сокращается до уровня КЛ и СЛ, ориентированных в большей степени на восточнославянский узус.

3. Наиболее прогрессивная ситуация с точки зрения развития синтаксического подчинения представлена в КЛ и СЛ, в которых основным типом изъяснительного предложения становится модель с *že*-союзами. В указанных летописях конкуренция моделей с *že*-союзами и *jako recitativum* представлена во всех типах контекстов с чужой речью — см. данные в Таблице 2.

Данные КЛ и СЛ, представленные в Таблице 2, отражают следующие закономерности, значимые для эволюции *jako recitativum*.

1) Широкая экспансия *že*-модели косвенной речи — *že*-союзы распространяются также на большую часть дейктически нейтральных контекстов, в единичных случаях представлены также при прямой речи.

2) Употребления *jako recitativum* резко сокращаются, по сравнению с более книжными ПВЛ и ГЛ, однако эта конструкция еще регулярно встречается, несмотря на вытеснение ее на периферию способов передачи чужой речи.

¹ Примеры из НПЛ приводятся в упрощенной орфографии по изданию: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (Репринт: М., 2000).

Таблица 2

Конкуренция союзов *оже/аже* и *яко* в контекстах с чужой речью

<i>že</i> -модель	Союз <i>яко</i>
Союзная прямая речь	
КЛ — 2, СЛ — 0 ... Рюрикъ же посла к Романови повѣдаа емоу <u>аже</u> Всеволодъ просить подѣ тобою волости а жалоується на мене про тебе (КЛ, 1195, 236).	КЛ — 8, СЛ — 2 ... Изаславъ же и Ростиславъ приѣхаста къ Влчъславу <u>рекуча ако</u> то са сѣть воротили <u>поѣдемъ</u> по нѣхъ (КЛ, 1151, 156 об.).
Дейктически нейтральные контексты	
КЛ — 43, СЛ — 4 ... <u>бѣ</u> имъ <u>вѣсть</u> <u>уже</u> <u>вѣщеа</u> изъ Рязана Романъ Игоревичъ с полко ^м (СЛ, 1207, 146 об.).	КЛ — 8, СЛ — 7 ... И ни тако <u>молвахуть</u> <u>яко</u> съ утравы <u>вѣ</u> емоу <u>сѣть</u> (КЛ, 1162, 185 об.).
Косвенная речь	
КЛ — 30, СЛ — 4 ... повѣдаша емоу <u>уже</u> король <u>оуже</u> <u>идеть</u> на нь (КЛ, 1150, 147 об.).	КЛ — 1, СЛ — 0 ... и бѣ при вечерѣ <u>пришедъ</u> конюшни <u>повѣда</u> кнзю своему Игореви <u>яко</u> <u>ждеть</u> его Лаворъ (КЛ, 1185, 226 об.—227).

3) Тенденция к трансформации *jako* recitativum в косвенную речь, наблюдаемая в более книжных источниках, в КЛ и СЛ почти не представлена — *яко* при косвенной речи встретился всего в одном примере.

4) Контексты с *яко* оказываются противопоставлены косвенной речи по ряду грамматических признаков: союзы *яко* vs. *že*-союзы, типы отсылок в зависимой части — местоимения 1 и 2 лица при союзной прямой речи, местоимения 3 лица — при косвенной речи.

Таким образом, сопоставление разных систем цитирования, представленных в древнерусских летописях, выявило основное направление их развития: с распространением древнерусской *že*-модели и формированием косвенной речи употребление конструкции *jako* recitativum в летописном узусе на протяжении XI—XIV вв. неуклонно сокращается. Завершение указанной тенденции наблюдается в ВЛ второй половины XIII в.: *jako* recitativum вне книжных цитат уже не используется.

3. Лексико-семантические особенности употреблений *jako* recitativum

Из исторической грамматики известно, что в случае появления двух и более моделей с одинаковой функцией, наблюдается либо постепенная утрата одной из них и экспансия другой, либо распределение их функций и значений [Dahl 2004: 157—160]. В случае с *jako* recitativum и *že*-моделью, вытеснение первой из них на периферию могло сопровождаться развитием модальных значений у союза *яко*.

Следующим этапом исследования эволюции *jako* recitativum стал анализ ее употреблений в отношении субъективно-модальных признаков. К ана-

лизу привлекался материал КЛ, СЛ и НПЛ — источников, в большей степени ориентированных на восточнославянский узус и отражающих снижение частотности указанной конструкции.

Исследователи, предполагавшие, что конструкция *jako* recitativum использовалась в древнерусском языке как модально-осложненный способ передачи чужой речи, указывали на широкий спектр значений союза *яко*, используя формулировки «оттенок недостоверности, небуквальной передачи» [Лопатина 1979: 435, 437] и сравнивая *яко* с современными цитативными частицами *мол* и *де* [Срезн. I, II]. Предпринимались попытки рассматривать союз *яко* как показатель эвиденциальности — категории, характеризующей источник сообщения и отношение говорящего к нему [Perelmutter 2009].

В современных исследованиях по синтаксической семантике установлены следующие типы субъективно-модальных значений, связанных с передачей чужой речи:

— **не до ст о в е р н о с т ь** или неуверенность повествователя в истинности цитируемого сообщения: союзы *будто*, *будто бы*, *якобы* [Козинцева 1994: 96; Плунгян 2011: 352];

— **д и с т а н ц и р о в а н и е**, которое сопровождается выражением более или менее сильного недоверия со стороны повествователя к содержанию передаваемого утверждения или прямого несогласия с тем, что он пересказывает [Арутюнова 1992: 45; Маслов 1981: 271];

— **п е р е с к а з ы в а т е л ь н о с т ь** — тип ситуации, в которой источник сообщения неважен, неизвестен или неидентифицирован, информация передана с чужих слов; ср. использование в современном русском языке вводных слов *говорят*, *по слухам* и пр. [Козинцева 2007: 19];

— **н е п р я м а я з а с в и д е т е л ь с т в о в а н н о с т ь** — тип ситуации, в которой сообщение передано со слов очевидцев, в русском языке обозначается с помощью вводных слов и конструкций (например, *по словам очевидцев*, *как сообщали очевидцы*), подробнее об этом значении см. [Козинцева 2007: 85].

Из перечисленных значений недостоверность и дистанцирование, как правило, связывают с областью эпистемической модальности, пересказывательность и непрямую засвидетельствованность относят к полю эвиденциальности (подробная библиография по данной проблематике приводится в работах [Козинцева 2007: 26—27, 85; Плунгян 2011: 358]).

Далее проанализированы лексико-семантические особенности примеров с *jako* recitativum с целью выявить, насколько широко перечисленные типы модальных значений представлены в контекстах с *яко* при чужой речи в КЛ, СЛ и НПЛ. Как признаки модальной семантики рассматривались следующие элементы контекста:

— лексические указания на недостоверность (слова, содержащие компонент значения ‘ложь, обман’);

— лексико-грамматические указания на цитирование слухов — неопределенно-личные местоимения (**нѣции, друзни**) в опорной предикации, неопределенно-личные формы опорных предикатов речи (**глаголють тако...** ‘говорят, что’);

— ссылки на очевидцев в опорной предикации — тип **глаголють же бывшие тамо**;

— комментарии, мотивирующие дистанцирование повествователя от позиции цитируемого лица, использование негативно-окрашенной лексики.

Контексты, содержащие перечисленные признаки модальной семантики, далее называются оценочными. Контексты с *jako recitativum*, в которых модальные признаки отсутствуют, отнесены к семантически нейтральным. Для выводов о степени регулярности модальных значений *jako recitativum* решающее значение имеет количественное соотношение оценочных и семантически нейтральных контекстов.

При анализе модальных свойств контекстов с *jako recitativum* также оказались значимыми два типа употреблений, которые различаются грамматически и семантически:

— союзная прямая речь, или **так** при прямой речи, тип **рече Ольга яко азъ уже мьстила есмь**;

— действительно нейтральные контексты, в которых отсутствуют в зависимой части признаки прямой или косвенной речи, тип **и принде вѣсть яко Олегъ на Клязьмѣ**.

Таким образом, контексты с *jako recitativum* в КЛ, СЛ и НПЛ рассматриваются по трем критериям: устойчивые лексико-грамматические признаки, модальные признаки и тип контекста — союзная прямая речь или действительно нейтральная клауза. Модальные признаки выделены двойным подчеркиванием, опорный предикат одинарным.

Материал представлен в следующем порядке: для сравнения сначала исследуются данные НПЛ, близкой более книжным летописям по способам передачи чужой речи, далее анализируется материал КЛ и СЛ, в которых наблюдается тенденция к грамматическому противопоставлению *jako recitativum* и *že*-модели.

Новгородская первая летопись

В НПЛ выявлено 17 контекстов с *jako recitativum*, из них союзная прямая речь отмечена в девяти примерах при опорных предикатах **речи**, глаголах, производных от **сѣлати (посѣлати, присѣлати)** и устойчивом выражении **цѣловати крѣсть** ‘давать присягу, обещание’.

С опорными предикатом **речи** встретилось четыре примера, модальные признаки отмечены только в двух случаях. В одном из контекстов имеется указание на недостоверность чужой речи:

... и высылаху къ нимъ Югра, дѣстьбою рекуще тако, яко «копимъ сребро и соболи и ина узорочья, а не губите своихъ смьрдъ и свои дани», а дѣстяще ими, а вое копяче (НПЛ, 1193, 52 об.).

В другом примере наблюдается отстранение повествователя от позиции цитируемого лица. Дистанцирование выражено через использование негативно-окрашенной лексики в опорной предикации и сопровождающем контексте:

... Томъ же лѣтъ Глѣбъ, князь Рязаньскыи, Володимиричь, научень со-тоною на убиство, сдумавъ въ своемь оканьнѣмь помыслѣ, имѣя поспешника Костянтина, брата своего, и с нимъ диявола, юже и прѣлсти, помыслъ има выложи, рѣкшема има, яко избеже сихъ, а сама приимѣва власть всю (НПЛ, 1218, 88 об.— 89).

Указанные контексты являются единственными примерами союзной прямой речи с признаками субъективной модальности в НПЛ.

Два других примера с опорным словом **речи** являются семантически нейтральными — оба отмечены в статье 1228 г., ср.:

... И пришьдъ, створи вѣче въ владычни дворѣ и рече, яко «не мыслить есмь до плъсковичъ груба ничегоже; нъ везлъ есмь былъ въ коробьяхъ дары: паволоки и овощь, а они мя обѣщствовали» (НПЛ, 1228, 104); другой пример см. выше в разделе 2, адрес (НПЛ, 1228, 106 об.).

В двух случаях зафиксированы глаголы, производные от **сѣлати**, которые в НПЛ используются как опорные предикаты группы *verba dicendi* в значении ‘послать с сообщением’. Признаков субъективной модальности в них также не отмечено:

... и потом Исакъ помысливъ, и въсхотѣ царства, и учяшетъ сына, посылая потаи, яко «добро створихъ брату моему Олѣксѣ, от поганыхъ выкупихъ его, а онъ противу зло ми възда, слѣпивъ мя, царство мое възя (НПЛ, 1204, 64 об.);

... Въ то же лѣто выиде князь Святославъ из Новагорода на Луки, и при-сла въ Новъгородъ, яко «не хоцю у васъ княжити» (НПЛ, 1167, 34).

Отдельного внимания заслуживают три примера с опорным предикатом **цѣловати крѣсть** ‘давать присягу, обещание’:

Въ се же лѣто ходи Всѣволодъ въ Русь Переяславлю, повелениемъ Яропѣлцемъ, а целовавъ крѣсть къ новгородцемъ, яко хоцю у васъ умерети (НПЛ, 1132, 13 об.—14);

... Новгородци же цѣловавъше святую Богородицю, яко «не хоцѣмъ его», идоша прогнать его съ Лукъ (НПЛ, 1167, 34).

В эту же группу входит контекст с новгородским союзом **око**, который этимологически близок **яко** и используется в одинаковой синтаксической функции:

... и цѣловаша новгородци чѣстныи крѣсть, око «не хоцѣмъ у себе държати дѣтии Дмитровыхъ, ни Володислава, ни Бориса, ни Твърдислава Станиловица и Овъстрата Домажировица» (НПЛ, 1209, 75—75 об.).

Контексты при опорном предикате **цѣловати крѣстѣ** не имеют лексических признаков субъективной модальности и рассмотрены в данной работе как семантически нейтральные примеры. Однако следует учитывать, что опорное слово **цѣловати крѣстѣ** подразумевает модальные компоненты особого типа — перформативность и обязательство говорящего исполнить действие, заявленное в пропозиции высказывания. Указанный тип употребления **так** и его семантические особенности в данной статье специально не рассматриваются.

Таким образом, в группе примеров с **так** при союзной прямой речи признаки субъективной модальности представлены нерегулярно — всего в двух случаях из девяти.

Дейктически нейтральные контексты с **так** составляют примерно половину употреблений *jako* recitativum в НПЛ (8 случаев из 17) и отличаются от примеров с союзной прямой речью по составу опорных слов, ср.: **глаголати**, **творити** ‘считать; утверждать (ложно)’ и устойчивые сочетания со словом **вѣсть** (**приде вѣсть** и др.).

По лексическим и семантическим признакам дейктически нейтральные контексты делятся на две группы.

Первую группу примеров объединяет пересказывательная семантика — в опорной предикации используются неопределенно-личные местоимения **инии/друзии** для указания на неидентифицированный источник сообщения в ситуации, когда оно получено по слухам.

В двух примерах используется опорный предикат **глаголати**:

... **инии** же **мнози глаголаху** яко полупивъ святую Софию пошьль Цесарюграду; и много **глаголаху** на нь, нь себе на грѣхъ (НПЛ, 1156, 28 об.—29);

... **инии** же **глаголють**, яко се суть, о них же Мефодии, Патомьскый епископъ, свѣдѣтельствуеть (НПЛ, 1224, 95 об.—96).

В двух случаях в позиции опорного слова отмечен многозначный глагол **творити**, который в древненовгородских источниках фиксируется в значении *verba dicendi* с компонентом ‘утверждать (ложно)’ [Зализняк 2004: 260]:

... и новгородци **не вѣдаху**, кдѣ князь идетъ; **друзии творяху**, яко на Чюдь идетъ (НПЛ, 1256, 135), ср.: ‘новгородцы не знали, где князь, некоторые утверждали, что он идет на Чудь’;

... И ту убиень бысть воевода ихъ именемъ Спиридонъ а **инии творяху**, яко и пискупъ убиень бысть ту же (НПЛ, 1239, 126 об.—127).

Вторую группу дейктически неохарактеризованных примеров составляют четыре контекста с опорным словом **вѣсть**. Все они нейтральны в семантическом отношении, ср.:

... Приде бо вѣсть в Новѣгородъ яко Свѣи идуць къ Ладозѣ (НПЛ, 1239, 126 об.);

... Приде вѣсть изъ Руси зла яко хотять Татарове тамгы и десятины на Новѣгородѣ (НПЛ, 1257, 136).

Адреса других примеров со словом **вѣсть**: (НПЛ, 1228, 104), (НПЛ, 1240, 127 об.).

Таким образом, четыре примера с пересказывательным значением в дейктически нейтральных контекстах при **глаголати** и **творити** — это единственная группа контекстов, в которых модальное значение представлено регулярно. Остальные типы субъективно-модальных признаков маркируются в НПЛ непоследовательно. Большая часть употреблений *jako* recitativum в НПЛ семантически нейтральны — десять примеров из 17.

Таким образом, в НПЛ выявлены две тенденции, значимые для дальнейшей эволюции *jako* recitativum в летописном узусе:

1. Контексты с **яко** отличаются устойчивыми лексико-грамматическими признаками. Во-первых, *jako* recitativum встречается при ограниченном круге опорных предикатов. Во-вторых, выявлена корреляция между опорным словом и типом зависимой конструкции. При **речи**, **посълати** ‘отправить с сообщением’, **цѣловати кръсть** используется конструкция **яко** + прямая речь. Контексты с опорными словами **глаголати**, **творити** ‘утверждать’, **приде вѣсть** имеют структуру **яко** + дейктически нейтральный контекст. Устойчивость лексического наполнения конструкции *jako* recitativum и связанность ее компонентов можно рассматривать как признаки фразеологизации (подробнее о критериях см. [Баранов, Добровольский 2008: 15; Шмелев 1977: 313]).

2. Конструкция *jako* recitativum используется как семантически нейтральный способ передачи чужой речи, однако имеются признаки, указывающие на тенденцию к развитию у нее субъективно-модальных значений. Наиболее последовательно модальная семантика проявилась в дейктически нейтральных контекстах со значением пересказывательности ‘говорят, что...’, которая маркирована неопределенно-личными местоимениями **нѣции/друзни глаголють** **яко**.

Киевская и Суздальская летописи

Развитие тенденций, выявленных в НПЛ, наблюдается в КЛ и СЛ. В указанных источниках зафиксировано в общей сложности 22 контекста *jako* recitativum.

Союзная прямая речь с **яко** отмечена в 11 примерах при тех же опорных предикатах, что и в НПЛ.

В четырех примерах использован опорный предикат **цѣловати кръсть**, два из них представляют общее чтение в КЛ и СЛ:

... послаша по Ростислава Гмоленьскү вѣбаче и Киевү на столъ цѣлова-
ли во вѣхү к нему хрѣтъ преже яко товѣ его ицѣмѣ (КЛ, 1159, 180);

- ... на то^М бо цѣловали ваше хрѣтъ к нему яко ты на^М кнѣзь еси и дан нты Бѣ с тобою пожити (КЛ, 1159, 177);
- ... Дюрди же затвориса в Городци с дѣтьми своими бьющимъ же с нимъ из города на многы дни тажко бты ему зане не бты помочи ему ни ѡкоуду же и цѣлова к ним хрѣтъ яко иду оуже суждалю и ѡступн (в Хлеб. отступниша) ѡ него прочь (КЛ, 1151, 160 об.), ср. тот же контекст в (СЛ, 1152, 112 об.).

Опорный предикат *речи* используется в шести контекстах, из них только два являются семантически нейтральными и не содержат модальных признаков:

- ... он же не хоташе ити из Роускои земли река имъ яко не могу ити изъ вчнты своеѣ и со братьюю своею розонтиса (КЛ, 1178, 214);
- ... Изаславъ же и Ростиславъ приѣхаста къ Вячславу рекуча ако то сѣ сугъ воротили поѣдемы по ннхъ (КЛ, 1151, 156 об.).

В остальных четырех примерах с *речи* отмечены оценочные комментарии и негативно-окрашенная лексика, указывающая на дистанцирование говорящего от позиции цитируемого лица, ср.:

- ... и бты в томъ межи има пра велика злоба ндаху слово рекоуче Олгови ни яко бты начали есте перво насъ гоувити (КЛ, 1135, 110 об.);
- ... Сбславъ располѣса гнѣвомъ и раждѣса гаростью и размысли во оумѣ своемъ река яко мьстилъса быхъ Всеволоду но не азѣ Ростиславичи а тѣ ми во всемъ пакостатъ в Роускои землѣ (КЛ, 1180, 215).

Как видно из примеров, дистанцирование наблюдается в тех случаях, когда описывается борьба за власть и княжеские междоусобицы, противоречащие этической позиции повествователя.

В двух примерах союзная прямая речь используется в контексте с литературным клише, основанном на представлении о том, что причиной княжеских раздоров являются происки дьявола:

- ... здумавъ в свое^М ѡканьнѣмъ помыслѣ имѣа поспѣшника брата свогю Костантина и с ни дьявола иже ею прельсти своимъ злорозньствомъ в помыслѣ има вложь рекшема има яко избѣвѣ сн а сами примевѣ едина всю власть (СЛ, 1217, 150 об.);
- ... только дьяволъ сѣтоваше вложи во нѣкоторы^М муже^М кю в срѣце и начаша гнѣ кму рекуще яко Ростиславъ Гюргевичъ подмолви на тѣ люди и Берендичи и Кианты а хотѣлъ сѣсти Кыевѣ а пѣсти и къ ѡцю то твон ворогъ и ѡць кю держиши и на свою голову (КЛ, 1149, 106 об.).

Отдельно отметим пример из КЛ с опорным предикатом ментального типа *помыслити*, он также содержит признаки дистанцирования:

... и помысли во оумѣ своемъ яко Дѣда и моу а Рюрика възженоу изъ землѣ и при моу единѣ власть Роускою и с братьею и тогда мущюса Всеволодоу швиды своѣ Бѣ бо не любитъ высокаго мысли нашна возносащаго смирает Стѣславъ же изъима дружиноу его и товары его и възворотиса и еха к Вышегородоу и грѣши Стѣславъ помысла своего (КЛ, 1180, 215 об.).

Важно, что в КЛ и СЛ, в отличие от НПЛ, все употребления союзной прямой речи с модальными признаками образуют семантически цельную группу — во всех примерах маркировано значение дистанцирования.

Таким образом, из 11 рассмотренных контекстов с яко при прямой речи семантически нейтральных примеров встретилось всего два. В четырех случаях отмечены контексты опорным предикатом цѣловати крѣстѣ, которые, судя по всему, следует рассматривать как особый фразеологизированный тип употребления яко. Оценочные контексты составляют почти половину употреблений союзной прямой речи — пять случаев из 11. Полученные данные свидетельствуют о последовательной тенденции к использованию союзной прямой речи с яко как средства дистанцирования повествователя от позиции цитируемого лица.

Развитие у *jako* recitativum субъективно-модальных значений наблюдается и в дейктически нейтральных контекстах с яко из КЛ и СЛ. По семантическим и лексико-синтаксическим признакам примеры делятся на три группы.

Первую группу образуют четыре примера с пересказывательной семантикой, подразумевающей цитирование слухов 'говорят, что'. В двух случаях, как и в НПЛ, употребляется опорный предикат глаголати:

... глаго бо тако яко Къпанъ одинѣ изгыбло на полку то. Г. ты | сачь. и бы плачь и туга в Русн и по всен земли (СЛ, 1223, 153 об.);
ини глаго яко се сѣ в ни же Мефодии Патомьскыи епѣ свѣдѣ-
тельствоуѣ (СЛ, 1223, 153).

Интересно, что оба примера с глаголати зафиксированы в СЛ, при этом последний из них является общим чтением с НПЛ. В КЛ при пересказывательных контекстах используются другие опорные предикаты. В 1 случае отмечен мѣлвити:

... и молвахуть яко дна есть подъступила ини же друго яко молъ-
ваху (КЛ, 1152, 166 об.).

В одном примере из КЛ используется опорное слово речи в составе инфинитивной конструкции со значением предопределенности. Речь идет про убийство киевлянами князя Игоря Ольговича, находившегося в плену в Киеве и постриженного в иноки. Повествователь описывает раскаяние князя Изяслава, не успевшего предотвратить кровопролитие:

... и рече ^чИзяславъ своеи дружинѣ то мнѣ есть порока всако ^ѣѿ люднн не оуити ... и рѣша емоу моужнн его безъ лѣпа ш немь печаль имѣешн ^ѣуже людемъ речн **так**о Изяславъ оуби или повѣлелъ оубити (КЛ, 1147, 130), ‘и сказал Изяслав своей дружине: «Мне не избежать упреков от людей» ... И сказали ему его дружинники: «Зря о нем [Игоре] печалишься и том, что люди [неизбежно] будут говорить, что это Изяслав убил или повелел убить’, порокъ — ‘порицание, упрек’.

В данном примере **так**о также используется в контексте, содержащем указания на людскую молву: ‘люди будут говорить, что...’.

Таким образом, в КЛ и СЛ отмечено по два примера со значением пересказывательности. При этом в СЛ в указанных контекстах используется глаголати, как и в НПЛ, а в КЛ мѣлвити и речн.

Вторую группу образуют три контекста из КЛ. В них представлен особый тип эвиденциального значения — непрямая засвидетельствованность, которая подразумевает, что говорящий не был свидетелем ситуации и передает сообщение, полученное со слов очевидцев. Соответствующие указания выделены двойным подчеркиванием:

... чѣвци же блговѣрннн приходяще взимахоуѣ ѿ крове его и ѿ прикрова соущаго на немъ на тѣлѣ его на спнне себе и на исцѣление и покрывахоуѣт наготу телесе его своими одежами и **повѣдаша** Володимироу **так**о поверженъ есть на торговици и посла тѣцьского и приѣха видн повержена Игоря мртѣвого (КЛ, 1147, 129) — из рассказа об убийстве князя Игоря: ‘благодарные же люди, приходя [к его телу] взяли части покроя, бывшего на нем, и прикрыли наготу телес его своими одежами, и [эти очевидцы] рассказали Владимиру, что [Игорь] брошен на торговой площади...’;

... и оустрѣтоста гостн идущѣ противоу себе не Половецѣ и **повѣдаша** имъ **так**о Повѣци стоятъ на Хоролѣ (КЛ, 1184, 222 об.), ‘и встретили купцов, идущих им на встречу из Половецких земель, и [купцы] рассказали им, что Половцы стоят на реке Хорол’;

... Половецѣ которнн оутгагли перентн вежами ссошася а которѣнн не оутгагли а тѣхъ взаша рекоша же ако в тоу ратѣ вежѣ и конн скотн мнози потоплн соутъ в Хирии (КЛ, 1183, 220 об.), ‘половцы, которые успели перейти в повозках, спаслись, а те, которые не успели, тех взяли в плен, и рассказали [очевидцы], что в ту битву многие повозки, кони и скот утонули в Хирии’.

Из типологических исследований по эвиденциальности известно, что если в языке есть показатель, маркирующий пересказывательность, то он может использоваться и для указания на непрямую засвидетельствованность, поскольку в обоих случаях повествователь не может нести эпистемическую ответственность за ситуацию, свидетелем которой он не был [Козинцева 1994: 93, 101—103]. Как показывают примеры выше, указан-

ное направление семантического развития наблюдается у **яко** в дейктически нейтральных примерах из КЛ.

Третью группу примеров образуют контексты со словом **вѣсть** в опорной предикации, союз **яко** зафиксирован в четырех примерах, при этом три из них — из СЛ:

- ... **башеть во ему вѣсть яко оуже пошелъ естъ митрополитъ** (КЛ, 1156, 173 об.),
- ... **бывшю кму на Перепетовскомъ поли вѣи кму вѣсть яко не дождавъ Половци сонма вѣхали воеватъ и воюють** (СЛ, 1169, 119 об.—120 об.),
- ... **бы же и вѣсть яко идеть Гюрги с врато своимъ Вячеславо** (СЛ, 1149, 108 об.),
- ... **а не башеть кму вѣсти яко на Москвѣ полци Тотарьскни и Андрѣи кнзь** (СЛ, 1294, 171).

Указанные примеры, построенные по модели **бысть вѣсть яко**, представляют особый интерес, поскольку они являются отклонением от общей тенденции, характерной в КЛ и СЛ: при опорном слове **вѣсть** решительно преобладает модель с союзами **оже/аже** (47 примеров в КЛ и 6 в СЛ). Употребления **яко** представляют собой единичные случаи — 1 в КЛ и 3 в СЛ. Указанные контексты не содержат модальных признаков, поэтому нет оснований считать, что употребление **яко** при слове **вѣсть** может иметь семантическую мотивацию. Наиболее вероятным объяснением в данном случае является фактор традиции: **яко** при слове **вѣсть** наследуется в летописном узусе из локальных традиций, в которых *že*-модель не представлена или не получила распространения (см. данные НПЛ, ПВЛ и ГЛ). Примеры со словом **вѣсть яко** из КЛ и СЛ рассматриваются как семантически нейтральные.

Таким образом, среди дейктически неохарактеризованных контекстов в КЛ и СЛ преобладают модально-осложненные употребления **яко** со значением пересказывательности и непрямого засвидетельствованности — семь контекстов с модальными признаками против четырех семантически нейтральных примеров с оборотом **бысть вѣсть яко**.

Анализ примеров с *jako* recitativum из КЛ и СЛ показывает, что указанная конструкция имела два типа употреблений — фразеологизированные и субъективно-модальные.

К фразеологизированным контекстам относятся примеры с теми же опорными предикатами, что и в НПЛ, — обороты «**цѣловати крѣсть + яко + прямая речь**» и «**бысть вѣсть + яко + дейктически нейтральный контекст**». По всей видимости, указанные употребления **яко** закрепляются в древнерусской летописной традиции как устойчивые сочетания.

В области субъективно-модальных употреблений из КЛ и СЛ наблюдается развитие тенденций, выявленных в НПЛ:

1. Конструкция с **яко** при союзной прямой речи регулярно используется для выражения дистанцирования. Если не считать фразеологизированных употреблений при предикате **цѣловати кръстьъ**, соотношение оценочных и семантически нейтральных контекстов составляет 5:2.

2. Расширяется круг значений в дейктически нейтральных контекстах с **яко**: помимо пересказывательных контекстов ‘говорят, что’, в КЛ **яко** используется при передаче не прямой засвидетельствованности — сообщений, полученных со слов очевидцев.

Таким образом, в КЛ и СЛ наблюдается типологически известное направление грамматической эволюции, при котором наблюдается распределение функций между конкурирующими грамматическими моделями, занимавшими одну нишу [Dahl 2004: 157—160]: более архаичная модель с **яко** сохраняется в узусе как средство выражения субъективно-модальных значений дистанцирования и пересказывательности, в то время как модель с *že*-союзами распространяется как основной тип изъяснительного предложения с семантически нейтральной пропозицией.

Таким образом, в исследованных древнерусских летописях восстанавливаются следующие пути эволюции конструкции *jako recitativum*. В ПВЛ и ГЛ, ориентированных на книжную традицию, *jako recitativum* представлена широко, в единичных случаях наблюдаются примеры трансформации этой конструкции в косвенную речь.

Близкую книжным летописям систему гипотаксиса отражает и НПЛ, ориентированная по многим другим параметрам на живой узус. Как и в более книжных источниках, в НПЛ почти не встречается косвенной речи. При этом наблюдается тенденция к сокращению употреблений *jako recitativum* и фразеологизации некоторых из них — указанная конструкция используется при ограниченном круге опорных предикатов: **цѣловати кръстьъ яко**, **речи яко**, **приде вѣсть яко**, **глаголати яко**, а также специфически новгородских глаголах речи **посълати яко** и **творити яко**. Из субъективно-модальных значений наиболее регулярно представлена только пересказывательность, которая маркируется лексическими средствами (**нѣщии глаголють яко**). В контекстах с союзной прямой речью регулярных модальных признаков не выявлено.

КЛ и СЛ отражают, с одной стороны, закрепление за конструкцией *jako recitativum* модальных значений дистанцирования и пересказывательности, а также развитие грамматического противопоставления между ней и древнерусской *že*-моделью. С другой стороны, в КЛ и СЛ сохраняются семантически нейтральные фразеологизированные употребления **яко** в составе устойчивых оборотов **цѣловати кръстьъ яко** + прямая речь, **вьсть вѣсть яко** + дейктически нейтральный контекст.

Другое направление эволюции наблюдается в ВЛ конца XIII в., близкой КЛ. Указанный источник отражает утрату *jako recitativum*, однако тенденция к маркированию пересказывательной семантики сохраняется и реализуется за счет использования модального показателя **бы** в рамках *že*-модели изъяснительного предложения, ср.:

... Телевоуга же еха вебзирать города Володимѣра а друзѣни
 молѣватъ оже вы (sic! в Хлебниковском сп. — аже вы) и в городѣ
 былъ но то невѣдомо (ВЛ, 1280, 296).

Таким образом, древнерусские летописи отражают следующие направления развития конструкции *jako recitativum*: ее трансформацию в косвенную речь (ПВЛ и ГЛ), сужение и фразеологизацию ее употреблений (НПЛ), развитие модальных значений (КЛ и СЛ), полную утрату (ВЛ).

Старовеликорусский период

1. Типы контекстов с *jako recitativum* в старовеликорусский период

Материал НЛ исследован в рамках трех периодов, соответствующих публикации источника в XI—XIII тт. Полного собрания русских летописей: XI том (1362—1424), XII том (1425—1505), XIII том (1506—1558). Общие чтения из разных списков НЛ при подсчетах рассматривались как один пример.

Как и в древнерусский период, в НЛ за XIV—XVI вв. представлено два типа употреблений *jako recitativum*.

1. Книжные цитаты из священных и литургических текстов. Помимо собственно библейских цитат, в НЛ содержится большое количество цитат из Деяний Соборов и Апостольских правил, а также «Тактикона» Никона Черногорца, бо́льшая часть церковных цитат сосредоточена в статьях 1437 и 1443 гг., ср.:

... *Петръ нача же ротися и клятися яко не знаю челоѡвка* (НЛ, 1389, 106);

... *и се толкуя, божественный Златоустъ глаголетъ, яко тебѣ лѣпно
 есть научити и рѣци, мнѣ же лихву попустити* (НЛ, 1443, 49).

2. Оригинальные цитации, ср.: ... *и приде вѣсть къ великому князю Дмитрею, яко «Митяй твои вскоре преставися на мори»* (НЛ, 1378, 40).

Частотность употреблений *jako recitativum* в рамках рассматриваемых периодов представлена в Таблице 3:

Таблица 3

Книжные цитаты и оригинальные цитации с *jako recitativum*
 в НЛ за XIV—XVI вв.

Тип употребления	1362—1424	1425—1505	1505—1558	Всего
Книжные цитаты	12	38	0	50
Оригинальные цитации	24	20	6	50
<i>Всего</i>	<i>36</i>	<i>58</i>	<i>6</i>	<i>100</i>

Из Таблицы 3 видно, что большинство примеров с *jako recitativum* зафиксировано в XIV—XV вв. В указанный период НЛ широко отражает тенденции второго южнославянского влияния, которое в области лексики

и грамматики проявилось в последовательном использовании книжных церковнославянских лексем, форм и конструкций [Успенский 2002: 289]. По мере того как повествование НЛ за XVI в. становится более ориентированным на живую речь (подробнее см. [Шевелева 2010: 223]), частотность *jako recitativum* резко сокращается, а в книжных цитатах она и вовсе перестает использоваться. Таким образом, как в древнерусский, так и в старовеликорусский период употребления *jako recitativum* коррелируют с параметром «книжность».

2. *Jako recitativum* в системе способов передачи чужой речи в НЛ

НЛ за XIV—XVI вв. отражает тот этап развития грамматического подчинения, когда основным типом изъяснительного предложения становится модель современного типа с союзом *что*, который решительно преобладает в предложениях любой структуры. При этом союз *яко* по-прежнему регулярно используется в контекстах с чужой речью. Количественные данные об употреблении союзов *что* и *яко* в оригинальных цитациях представлены в Таблице 4.

Таблица 4

Соотношение союзов *что* и *яко* в контекстах с чужой речью

Союз <i>что</i>	Союз <i>яко</i>
Союзная прямая речь	
18	10
<i>... и сказаше ей <u>что</u> брата нашего крестное ѡблованіе къ намъ сложили</i> (НЛ, 1400, 183).	<i>... прииде Татаринъ изо Орды на Москву повѣдаа великому князю Василю Дмитреевичю, <u>яко</u> князь велики Ординьскіи Едигеи хоцетъ воевати землю <u>твою</u></i> (НЛ, 1408, 205).
Дейктически нейтральные контексты	
228	28
<i>... промчешя въсть въ городъ, <u>что</u> стоить князь великии Дмитрий ивановичъ со своею силоу у Жилутуга</i> (НЛ, 1386, 88).	<i>... и нѣци глаголаху о нихъ <u>яко</u> истопоша, <u>друзіи</u> же глаголаху <u>яко</u> отъ разбойникъ избіени суть</i> (НЛ, 1389, 101).
Косвенная речь	
239	12
<i>... А сторожи цареви сказали, <u>что</u> <u>тѣхъ</u> люди и <u>сами</u> видѣли, коли въ городъ ѣхали</i> (НЛ, 1541, 113).	<i>... сами бо глаголаху, <u>яко</u> было <u>ихъ</u> съ сорокъ тысячь на бою томъ</i> (НЛ, 1471, 135).

Приведенные данные показывают три важные закономерности, характеризующие функционирование *jako recitativum* в старовеликорусский период:

1. Употребления *яко* распространяется на все типы контекстов с чужой речью, в том числе при косвенной речи.

2. В НЛ больше не прослеживается корреляции между союзом и типом зависимой конструкции — ср. противопоставление конструкций, выявленное в киево-суздальской традиции *яко* + *прямая речь* vs. *же-союз* + *косвенная речь*. В НЛ оба союза *что* и *яко* представлены во всех типах контекстов с чужой речью, независимо от типа придаточной части.

3. В НЛ наблюдается распределение изъяснительных союзов по степени частотности: *что* является преобладающим изъяснительным союзом, *яко* используется регулярно, но значительно реже, чем *что*.

В отличие от киево-суздальской традиции, в которой наблюдалась конкуренция двух изъяснительных моделей — союзной прямой речи с *яко* и *же*-модели косвенной речи, в НЛ проявляется конкуренция двух изъяснительных союзов в контекстах с чужой речью — *что* и *яко*.

3. Лексико-семантические особенности употреблений *jako recitativum*

Как и при анализе древнерусского материала, отдельно исследованы лексико-семантические особенности контекстов с *яко* при чужой речи в НЛ за XIV—XVI вв. Контексты с *яко* разделены на две группы на основании структурной и семантической близости. Первую группу образуют примеры, в которых после *яко* используется прямая речь (*jako recitativum*). Вторая группа — примеры с союзом *яко* при косвенной речи, которая охватывает как собственно контексты с анафорическими отсылками 3 лица в зависимой части, так и дейктически нейтральные контексты. Между указанными типами придаточных клауз, в отличие от древнерусского периода, не выявлено структурных и семантических различий, что дает основание рассматривать их вместе как косвенную речь.

Яко при союзной прямой речи

В НЛ за XIV—XVI вв. зафиксировано 10 примеров с *яко* при союзной прямой речи, четыре из них содержат субъективно-модальные признаки, указывающие на дистанцирование, как в КЛ и СЛ.

В двух случаях комментарии, сопровождающие чужую речь, описывают несправедное поведение цитируемых лиц:

... Любляху же пѣанство зѣло, и егда гдѣ наѣзжаху пиво и медь и вино, упивахуся безъ мѣры, и ѣздяху пѣяни и глаголюще въ себѣ кождо ихъ яко «можетъ единъ от насъ на сто татариновъ ѣхати, по истиннѣ никто же можетъ противу насъ стати» (НЛ, 1377, 27);

... На пятый день послѣ великого пожара черные люди града Москвы отъ великіе скорби въсколебашася, яко юроди и пришедше въ градъ и на площади убиша каменіемъ царева великого князя боярина князя Юрья василіевича Глинского и дѣтеи боярьскихъ много побиша а людеи княже Юрьевыхъ безчислено побиша. И животъ княжеи розграбиша ркуще безуміемъ своимъ, яко вашимъ зажиганіемъ дворы наши и животы погорѣша (НЛ, 1547, 154).

В одном примере мотивацией для дистанцирования служат указания на неискренность цитируемого лица и недоверие к нему со стороны присутствующих и повествователя:

... *А князь великіи предъ нимъ смиряшеса, и во всемъ вину самъ на себя возлагая, яко «и не сіе мнѣ пострадати было, грѣхъ моихъ ради и безаконіи многихъ и преступленіи въ крестномъ цѣлованіи предъ вами...» Сія же и ина многа излагагола, имъже нѣсть числа и писати не мощно. Глаголющу же ему, слезамъ текущимъ отъ очію его, якоже быстринамъ, якоже всѣмъ сущимъ ту дивитися таковому смиренію и умиленію, и плакахуся вси смотряещи его* (НЛ, 1447, 71).

В одном случае поводом для дистанцирования является несогласие говорящего с позицией адресата — говорящий воспроизводит чужую речь, чтобы ее опровергнуть, ср.:

... *Дионисей же епископъ Суждальскій, вѣставъ, иде къ нему, и пришедъ, рече ему: «присылалъ еси ко мнѣ глаголя яко власть имамъ на тебѣ; но убо не имаше власти на мнѣ никоеяже, и тебѣ убо подобало пріити ко мнѣ и поклонитися и благословитися отъ мене: азъ бо есмь епископъ, ты же попъ»* (НЛ, 1378, 38).

Датировки примеров свидетельствуют о том, что в НЛ тенденция использовать *яко* при прямой речи для обозначения дистанцирования сохраняется вплоть до середины XVI в., однако широкого распространения она не получила — модально-осложненные примеры единичны.

В шести из десяти примеров с союзной прямой речью контекстуальных субъективно-модальных признаков не выявлено, ср.:

... *Князь же великіи съ сыномъ и з братьею со всеми воеводами поидоша къ Боровску; глаголаша, яко «на тѣхъ полехъ бои съ ними поставимъ»* (НЛ, 1481, 201—202);

... *Тоя же вѣсны пріиде Исидоръ на Русьскую землю и идяше къ Москвѣ и глаголаше тако, яко соединилися есмѣ на семь великомъ соборѣ восточныа церкви съ западными* (НЛ, 1440, 40);

... *Тоя же осени ноября пріиде Татаринъ изо Орды на Москву повѣдаа великому князю Василію Дмитреевичю, яко князь велики Ординскіи Едигеи хоцетъ воевати землю твою* (НЛ, 1408, 205);

... *и пріиде вѣсть къ великому князю Дмитрею, яко «Митѣй твои вскоре представися на мори»* (НЛ, 1378, 40).

Отдельный интерес представляет состав опорных предикатов при союзной прямой речи в НЛ за XIV—XVI вв. Если в НПЛ и киево-суздальской традиции наблюдались признаки лексической связанности *jako recitativum* с некоторыми глаголами речи (*речи яко, цѣловати крѣстъ яко...*), то в НЛ указанная конструкция используется при разнообразных опорных предикатах — *глаголати яко, повѣдати яко* и *пріиде вѣсть яко*. Перечисленные

лексемы не отмечены при союзной прямой речи в КЛ и СЛ, зато представлены в ПВЛ и ГЛ, ориентированных на книжный узус (см. примеры в разделе 2).

Отдельного комментария заслуживают два примера с союзом *яко* при прямой речи в контексте торжественных речей, ср.:

- ... *Они же вси единомушно возопиша яко готови есмь по Христѣ пострадади за христьянскую вѣру и за твою обиду* (НЛ, 1380, 52);
- ... *Великии в благочестіи царь государь князь великии Иванъ Василевичъ всея Русіи видѣ убо христіанство поплѣнено и многы крови христіаньскыя проливаемы и многымъ церквамъ святымъ запусѣніе: от кого убо сіа бысть нестерпимыя бѣды? Глаголю же, яко* (в др. списках *якоже*) *вся сіа бысть злая отъ безбожныхъ Казаньскихъ Срацынь* (НЛ, 1551, 162).

Прагматическая установка торжественной речи предполагает ориентацию на стандартные церковнославянские тексты [Живов 2004: 49—50]. Приведенные примеры можно рассматривать как единичные случаи, в которых союзная прямая речь с *яко* используется в стилистических функциях — исключительно как маркер ориентации на более престижную книжную традицию.

Таким образом, в НЛ за XIV—XVI вв. употребления *яко* при союзной прямой речи неоднородны и отражают следование разным традициям древнерусского летописного узуса. В четырех случаях союзная прямая речь используется как показатель дистанцирования, как в КЛ и СЛ. В четырех семантически нейтральных контекстах состав опорных слов указывает на связь с более книжной летописной традицией, отраженной в ПВЛ и ГЛ. В двух случаях союзная прямая речь с *яко* используется как стилистический маркер книжности.

Яко при косвенной речи

Данные НЛ показывают, что косвенная речь является областью инноваций в употреблении и семантике союза *яко* в старовеликорусский период.

Употребления *яко* в косвенной речи в семантическом отношении близки киево-суздальской традиции: в НЛ широко представлены значения пересказывательности и непрямой засвидетельствованности, при этом количество контекстов резко возрастает, по сравнению с данными древнерусских летописей.

Значение пересказывательности зафиксировано в 19 примерах, при этом большая часть из них имеет фразеологизированную структуру. В 13 случаях из 17 используется опорный предикат *глаголати*, на цитирование слухов указывают неопределенно-личные местоимения *инии*, *нѣции*, реже встречается неопределенно-личная форма глагола 3 лица множественного числа, ср.:

- ... *ини глаголаху о Митяе яко задушиша его, ини же глаголаху яко морской водою умориша его* (НЛ, 1378, 40);
- ... *и нѣци глаголаху о нихъ яко истопоша, друзи же глаголаху яко отъ разбойникъ избіени суть* (НЛ, 1389, 101);
- ... *и потомъ начяша нѣци глаголати яко естъ татарове в поле и царевичъ Арапиша крыется в нѣкихъ мѣстехъ* (НЛ, 1377, 27);
- ... *глаголютъ же яко то прѣваа церковь на Москвѣ, на томъ дѣ мѣстѣ боръ былъ, и та цѣрковь въ томъ лѣсу срублена* (НЛ, 1461, 114);
- ... *Глаголютъ же нѣци, яко въ Дорогомиловской той церкви отъ древнихъ лѣтъ были бяху священныя ризы чудотвориваго святителя Леонтіа* (НЛ, 1522, 42).

Адреса других примеров с оборотом *глаголати яко* в НЛ: (1380, 49), (1389, 108), (1392, 134), (1392, 150), (1471, 142), (1473, 153), (1491, 229), (1534, 79).

В двух случаях в позиции опорного предиката встретился глагол *повѣдати*:

- ... *повѣдаша нѣци яко исперва не царь бѣ, ни сынъ царевь, ни племяни царска, ни княжьска, ни боарска* (НЛ, 1395, 158);
- ... *Нѣци же повѣдаша яко корабль той стояше на единомъ мѣстѣ и не поступаа съ мѣста, ни сѣмо ни тамо* (НЛ, 1378, 38).

В одном случае пересказывательный контекст зафиксирован при глаголе *сказати*, который почти не использовался при *jako* *recitativum* в древнерусский период. Пример встретился во вставной Повести о взятии Константинополя турками под 1453 г., использование глагола *сказати*, получившего распространение в XVI в., можно рассматривать как признак более поздней переработки этой повести:

- ... *и нѣци сказаша, яко самъ царь въ сердци своемъ възнесеса* (НЛ, 1453, 94).

Отдельный интерес представляет пример, в котором указание на то, что источником сообщения является людская молва, маркировано в значении опорного предиката — устойчивого сочетания *промчеса слово*:

- ... *и промчеса слово то повсюду яко Витовтъ Кестутьевичъ со многими силами идетъ на Темиръ-аксака царя мимо Смоленськъ* (НЛ, 1396, 162).

Более редкие опорные предикаты *сказати* и *промчеса слово* встречаются во вставных повестях, в собственно летописном повествовании используются архаичные глаголы речи *глаголати* и *повѣдати*.

Примеры со значением засвидетельствованности в НЛ встречаются при тех же опорных предикатах, что и пересказывательные контексты.

В пяти случаях отмечено опорное слово *глаголати*:

- ... прилучиша бо ся нѣции тамо въ то время неложные свидѣтели глаголюще яко егда Сергіи причастися Божественныхъ таинъ, тогда исполнися вся церкви благоуханія (НЛ, 1392, 132);
- ... Глаголаху же, иже тогда в плѣненіи томъ бывшеи и потомъ избѣжаша, сице сказаше глаголюще яко толикое множество богатства снесоша, порты драгіа и вещи многоцѣнныа (НЛ, 1411, 216);
- ... сами бо глаголаху, яко было ихъ съ сорокъ тысячь на бою томъ (НЛ, 1471, 135);
- ... Избѣено ихъ бысть многое множество: самимъ бо глаголющимъ имъ, яко дванадесять тысяць изгibe ихъ на боехъ тѣхъ, а изманныхъ руками болъ двою тысяць (НЛ, 1471, 135);
- ... глаголють бо бывшеи тамо, яко съ пять тысячь ихъ толко бѣ (НЛ, 1471, 135).

Как и в пересказывательных контекстах, в двух случаях сообщения от очевидцев вводятся посредством опорного предиката *повѣдати*:

- ... прідоша ко мнѣ изъ Смоленска мои Смоленяне тайно послани отъ нѣкихъ моихъ доброхотовъ повѣдающе яко многи хотятъ мене видѣти на отчинѣ и дѣдинѣ моей (НЛ, 1400, 184);
- ... Тои же Никита да инии отъ братьей, ученици Пафнотіевы, повѣдаша, яко ни пѣти ниже конархати (sic!), никтоже обрѣтесе надгробная, но единъ точію отъ ученикъ его Инокентей именовъ, той со многими же слезами надгробная проглагола (НЛ, 1477, 170).

В трех примерах используется глагол *сказати*, при этом оборот *сказати яко* встречается как в Повести о взятии Константинополя турками, так и на других участках текста:

- ... нѣции же въ нихъ добръ знающе градъ сказоваху ему величество града и пространство и яко не коснется имъ смрадь (НЛ, 1453, 87);
- ... паки о таковемъ патріарсѣ сказаша ми и инии нѣции, яже отай тѣмъ бываемая о мясохъ, яко не предъ всѣми ядяше мясо (НЛ, 1443, 48).

В указанных примерах интересно совмещение формальных признаков пересказывательности (*нѣции*, *инии*) и непрямой засвидетельствованности ‘некоторые из очевидцев сказали, что...’.

Опорный предикат *сказати* отмечен также в наиболее позднем примере с признаками пересказывательности — он датирован серединой XVI в. Пример интересен тем, что содержит два предложения с чужой речью — при передаче сообщения от очевидцев (языков, захваченных в плен) используется *яко*, при чужой речи, не содержащей субъективно-модальных признаков, отмечен союз *что*:

- ... и сказаша языки, яко того ради поиде царь на Русь: сказали ему въ Крыму, что царь и великій князь съ всѣми людми въ Казани (НЛ, 1552, 190).

Таким образом, в НЛ за XIV—XVI вв., расширяется употребительность *яко* как показателя пересказывательности и не прямой засвидетельствованности в косвенной речи, наблюдается формальное и семантическое сближение контекстов указанного типа: они встречаются при одних и тех же опорных предикатах, появляется новый тип контекста с совмещенными признаками ‘некоторые из очевидцев’.

Другой инновацией в употреблении *яко* при косвенной речи является новый тип контекста, не представленный в древнерусских источниках. В трех примерах *яко* отмечен при глаголах со значением *не до ст о в е р н о с т и* — контексты датируются XIV—XV вв.:

... *нѣци же оклеветаша его яко *неправо и не вѣрно служитъ царю* (НЛ, 1389, 98);*

... *ему же завидяще клеветаху на нь яко *неправе служитъ ему* (НЛ, 1392, 149);*

... *Того же лѣта скоромолили промежь князя Андрея Углицкаго, слуга его Образец, яко *хочеть его князь великий поимати* (НЛ, 1489, 220).*

Приведенные примеры интересны тем, что в них значение не до ст о в е р н о с т и маркируется как грамматически (за счет показателя *яко*), так и лексически — посредством опорного предиката речи, содержащего компонент значения ‘обмануть’.

Таким образом, в НЛ наблюдается не только рост частотности модальных контекстов с союзом *яко*, но и расширение круга его значений. Хронология указанного процесса отражена в Таблице 5.

Таблица 5

Типы модальных значений в контекстах с *яко* при косвенной речи

Тип значения	(1362—1424)	(1425—1505)	(1506—1558)	Всего
пересказывательность	11	6	2	19
непрямая засвидетельствованность	2	6	1	9
недо ст о в е р н о с т ь	2	1	0	3
<i>Всего</i>	<i>15</i>	<i>13</i>	<i>3</i>	<i>31</i>

Как видно из Таблицы 5, *яко* как показатель субъективно-модальных значений при косвенной речи наиболее активно использовался со второй половины XIV до первой четверти XV в. К XVI вв. наблюдается сокращение модальных контекстов на фоне общей тенденции к утрате союза *яко*.

В отдельную группу объединены девять примеров из НЛ, в которых субъективно-модальные признаки отсутствуют или же являются ненадежными. Внутри этой группы выделяется несколько типов контекстов, имеющих общие лексические признаки.

Как и в древнерусских летописях, в НЛ встретилось два примера с опорным словом *вѣсть*, которое в старовеликорусский период используется во множественном числе:

- ... и се наки начяша поновлятися вѣсти яко Мамай неотложно хоцетъ ити на великаго князя (НЛ, 1380, 51);
 ... и се убо намъ вѣсти приходятъ яко не точію Московьскую силу взять, но и отъ иныхъ странъ многи силы пріать и готовится на тя (НЛ, 1402, 189—190).

Среди семантически нейтральных примеров отмечено четыре контекста с опорным словом *сказати*. Важно то, что все они зафиксированы во вставной повести о взятии Константинополя турками:

- ... днемъ же тріемъ минувшимъ, сказаши океанному турку, яко пушка она веліа сляся добръ (НЛ, 1453, 88);
 ... сказаши царю, яко уже турки въздоша на стѣну и одолгвають гражань (НЛ, 1453, 89);
 ... о царици же бывшу велику испытанію, сказаши Салтану, яко великій дукасъ и великіи доместикъ и анактосъ и протостраторовъ сынъ Анрѣй и братаничъ его Асанъ Ѳома Палеологовъ и епархъ градскіи Николай отпустиши царицю въ корабли (НЛ, 1453, 97).

Выше также приведены примеры употребления оборота *сказати яко* в эвиденциальных контекстах. Концентрация примеров с опорным словом *сказати*, получившим распространение в XVI в., в Повести о взятии Константинополя турками свидетельствует о том, что они представляют собой довольно позднюю индивидуально-авторскую особенность составителя / редактора.

Примеров, не попавших ни под одну из классификаций и не содержащих субъективно-модальных признаков, встретилось всего четыре:

- ... и нача испытывати отъ старыхъ исторіи яко царь Батый плѣнилъ Русскую землю и всеми князьми владѣлъ (НЛ, 1380, 46);
 ... и возвѣстиши ему яко 100 и 10 шатровъ остана пусти (НЛ, 1392, 152),
 ... того же лѣта приде вѣсть къ великому князю, яко дополна царь Ахматъ идетъ со всею Ордою (НЛ, 1480, 200);
 ... и того же дни придоша вѣстницы яко поганіи они Татарове и з безбожнымъ царемъ ихъ страхомъ велимъ объяти бывше и плещи вдаше, бегу ся яша (НЛ, 1522, 42).

Рассмотренные примеры показывают, что, помимо модальных употреблений *яко*, в НЛ имеется небольшое число нейтральных контекстов, в которых указанный союз используется без дополнительных семантических экспликаций исключительно как маркер книжной традиции.

Таким образом, оригинальные цитации с *яко* в НЛ за XIV—XVI вв. показывают, что только небольшое число употреблений *яко* при чужой речи

наследуется в летописном узусе исключительно как книжный признак. Бóльшая часть примеров с *яко* отражает дальнейшее развитие у этого союза тенденций, появившихся еще в древнерусский период.

Как и в более ранних источниках, в НЛ наблюдается фразеологизация употреблений *яко*: этот союз используется по большей части при архаичных опорных предикатах *глаголати, повѣдаѹти*, а также некоторых других древнерусских глаголах речи (*речи, приде вѣсть* и пр.). Указанные опорные слова используются как при прямой речи, так и при косвенной, то есть утрачивается характерная для древнерусского периода корреляция между опорным предикатом и типом зависимой части (ср. данные НПЛ, КЛ и СЛ: *речи* + прямая речь, *глаголати, вѣсть* + нейтральный контекст).

Важным грамматическим процессом старовеликорусского периода является распространение союза *яко* при косвенной речи и закрепление противопоставления двух изъяснительных союзов *что vs. яко*, из которых *что* является частотным нейтральным показателем связи, а *яко* относится к области периферии и все шире используется как модальный союз.

Развитие у *яко* субъективно-модальной семантики наблюдается в области косвенной речи: отмечено значительное число примеров со значением пересказывательности и не прямой засвидетельствованности, появляется тип контекста, в котором совмещаются указанные семантические признаки: ‘некоторые из очевидцев говорили, что’. Расширяется круг значений *яко*: помимо указанных эвиденциальных контекстов, этот союз начинает использоваться при выражении эпистемической модальности — в контекстах со значением недоверности.

Интересно то, что контексты с *jako recitativum*, то есть употребления *яко* при прямой речи, в НЛ отражают следование более ранним летописным традициям и не содержат грамматических или семантических инноваций. Бóльшая часть из них нейтральны в семантическом отношении, как в ПВЛ и ГЛ, и только в единичных случаях имеются признаки дистанцирования, как в киево-суздальской традиции.

Таким образом, НЛ показывает, что субъективно-модальные употребления у *яко* наиболее интенсивно развиваются при косвенной речи в XIV—XV вв., однако уже к XVI в. наблюдается затухание указанного процесса по мере того, как повествование НЛ становится все более не книжным.

Выводы

Богатый материал исследованных летописей XIV—XVI вв. позволил уточнить традиционные представления о функциях конструкции *jako recitativum* и семантике союза *яко* в древнерусских источниках. Получены ответы на многие спорные вопросы, которые невозможно было однозначно решить, исследуя материал отдельно взятых источников.

Исследованные летописи показали, что употребления *jako recitativum* отчетливо связаны с книжным компонентом летописания. На протяжении всего исследуемого периода прослеживается закономерность: чем больше источник ориентирован на книжную церковнославянскую традицию, тем шире в нем используется *jako recitativum*.

Одним из спорных вопросов в исследованиях, посвященных указанной конструкции, был вопрос о ее функциях и семантике союза *яко*. Материал летописей позволил проследить основные этапы и механизмы эволюции *jako recitativum* от маркированно-книжного способа передачи чужой речи до модально-осложненной конструкции, а также пути развития модальных значений у союза *яко*.

В летописях, лингвистически ориентированных на книжную церковнославянскую традицию, таких как ПВЛ и ГЛ, *jako recitativum* представлена широко и является одним из основных способов передачи чужой речи. Регулярных признаков модальной семантики у этой конструкции не выявлено.

В древнерусских летописях, ориентированных на восточнославянский узу, таких как КЛ, СЛ и НПЛ, наблюдается значительное сокращение количества примеров с *jako recitativum* в сравнении с более книжными источниками. Сужение употреблений *jako recitativum* в источниках XII—XIV вв. сопровождалось несколькими явлениями.

Первым важным процессом в эволюции указанной конструкции является фразеологизация некоторых ее употреблений и формирование лексико-грамматической связанности между опорным предикатом и типом подчинительной части. В КЛ, СЛ и НПЛ при предикатах **цѣловати кръсть, речи, посылати** ‘послать с речью’ используется модель **яко** + прямая речь, при глаголати, (**приде/бысть**) **вѣсть** модель **яко** + дейктически нейтральные контексты.

Следующим этапом в эволюции *jako recitativum* становится появление у нее употреблений с субъективно-модальной семантикой. К наиболее ранним из них относится пересказывательный контекст с устойчивой синтаксической структурой ‘говорили, что...’, ‘некоторые говорили, что’. Указанные контексты наблюдаются уже в НПЛ, которая по способам передачи чужой речи наиболее близка более книжным ПВЛ и ГЛ. В указанных источниках не представлено косвенной речи, пересказывательные употребления **яко** не образуют грамматических противопоставлений.

Тенденция к грамматическому закреплению *jako recitativum* как модально-осложненной конструкции наблюдается в КЛ и СЛ на фоне ее конкуренции с *že*-моделью косвенной речи. В указанных источниках союзная прямая речь с **яко** регулярно используется при выражении дистанцирования, дейктически нейтральные контексты — для передачи эвиденциальных значений пересказывательности и не прямой засвидетельствованности.

Как показывает НЛ за XIV—XVI вв., в старовеликорусский период наблюдается распространение союза **яко** не только при дейктически нейтральных контекстах, но и при косвенной речи. Указанный процесс сопро-

вождается расширением модальных употреблений **яко** — он используется как при выражении пересказывательности и не прямой засвидетельствованности, так и при указании на недостоверность. Пик употреблений **яко** как субъективно-модального показателя при косвенной речи наблюдается в XIV—XV вв., однако уже в XVI в. число примеров сокращается и наблюдается тенденция к утрате указанной конструкции по мере того, как летописное повествование становится ориентированным на живой узус.

Источники

- ВЛ — Волынская летопись за 1261—1292 гг. (см. Ипат.)
ГЛ — Галицкая летопись за 1201—1260 гг. (см. Ипат.)
Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908 (Репринт: М., 1998).
КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).
Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997 (Репринт: М., 2001).
НЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 11—13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1897—1904 (Репринт: М., 2000).
НПЛ — Новгородская первая летопись по Синодальному списку // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (Репринт: М., 2000).
ПВЛ — Повесть временных лет (см. Ипат.).
СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (см. Лавр.).

Литература

- Арутюнова 1992 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейк-сис. М., 1992.
Баранов, Добровольский 2008 — А. Н. Б а р а н о в, Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Б о р к о в с к и й, П. Н. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
Вайан 1952 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. Перевод с французского / Под редакцией и с предисловием В. Н. Сидорова. М., 1952.
Гиппиус 2001 — А. А. Г и п п и у с. «Рекоша дружина Игорев...»: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian linguistics. 2001. Т. 25. С. 147—181.
Гиппиус 2009 — А. А. Г и п п и у с. К вопросу о контактах региональных традиций в русском летописании первой трети XIII века // Восточная Европа в древности и средневековье. XXI Чтения памяти В. Т. Пашуто. Автор и его источник: восприятие, Отношение, Интерпретация. Москва, 14—17 апреля 2009 г. М., 2009. С. 70—77.

Гиппиус 2009а — А. А. Г и п п и у с. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ св. Софии // Хорошие дни: Сборник памяти А. С. Хорошева. М., 2009. С. 181—198.

Гиппиус 2012 — А. А. Г и п п и у с. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX—X веках: археологическая панорама. М., 2012. С. 37—63.

Живов 2004 — В. М. Ж и в о в. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII вв. М., 2004.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд., переработанное. М., 2004.

Истрина 1923 — Е. С. И с т р и н а. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Петроград, 1923.

Клосс 1980 — Б. М. К л о с с. Никоновская летопись и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.

Козинцева 1994 — Н. А. К о з и н ц е в а. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 93—103.

Козинцева 2007 — Н. А. К о з и н ц е в а. Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2007.

Лопатина 1979 — Л. Е. Л о п а т и н а. Способы передачи чужой речи в рамках сложного предложения // Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., 1979. С. 422—447.

Маслов 1981 — Ю. С. М а с л о в. Грамматика болгарского языка. М., 1981.

Обнорский 1946 — С. П. О б н о р с к и й. Русский литературный язык старшего периода: Лингвистический анализ памятников древнерусской словесности. М.; Л., 1946.

Плунгян 2011 — В. А. П л у н г я н. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Преображенская 1991 — М. Н. П р е о б р а ж е н с к а я. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI—XVII вв. (сложноподчинённое предложение). М., 1991.

СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987.

Срезн. — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.

Ужанков 1989 — А. Н. У ж а н к о в. Летописец Даниила Галицкого: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М., 1989. С. 247—283.

Успенский 2002 — Б. А. У с п е н с к и й. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Хабургаев 1986 — Г. А. Х а б у р г а е в. Старославянский язык. М., 1986.

Шевелева 2009 — М. Н. Ш е в е л е в а. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке) // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 144—174.

Шевелева 2010 — М. Н. Ш е в е л е в а. Вторичные имперфективы с суффиксами *-ыва/-ива-* в летописях XII—XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 200—242.

Шмелев 1977 — Д. Н. Ш м е л е в. Современный русский язык. Лексика: Учеб. пособие. М., 1977.

Юрьева 2013 — И. С. Ю р ь е в а. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение 2012—2013 гг. М., 2013. С. 135—151.

Collins 1996 — D. C o l l i n s. The Pragmatics of Indirect Speech in Old Church Slavonic and Other early Slavic Writings // Studies in South Slavic and Balkan Linguistics. Amsterdam, 1996. P. 21—77.

Dahl 2004 — O. D a h l. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam, 2004.

Daiber 2009 — T. D a i b e r. Direkte Rede im Russisch-Kirchenslavischen (Zum pragmatischen Wert des *jako recitativum*) // Text — Sprache — Grammatik. Festschrift für Eckhard Weiher. München; Berlin, 2009. S. 363—386.

Perelmutter 2009 — R. P e r e l m u t t e r. Pragmatic functions of reported speech with *jako* in the Old Russian Primary Chronicle // Journal of Historical Pragmatics. 2009. (10:1). P. 108—131.

Wiener 2008 — B. W i e n e r. Lexikalische Markierungen evidenzieller Funktionen: zur Theoriebildung und empirischen Erforschung im Slavischen // Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72.). München, 2008. P. 5—51.

Резюме

В статье рассматриваются исторические изменения в структуре и семантике конструкции *jako recitativum* — прямой речи, которой предшествует союз *яко* ‘что, как’. Указанная конструкция широко представлена в русских летописях на протяжении XI—XVI вв. В части летописей *jako recitativum* используется как семантически нейтральный способ передачи чужой речи, в то время как в других источниках эта конструкция выражает дистанцирование, а также эпистемические значения в ситуации, когда имеет место передача слухов или обман. Показано, что развитие модальной семантики у конструкции *jako recitativum* происходит в результате распределения функций между двумя способами передачи чужой речи — *jako recitativum* и косвенной речи, сформировавшейся по модели сложноподчиненного предложения.

Ключевые слова: *jako recitativum*, чужая речь, древнерусский синтаксис, сложноподчиненное предложение, эвиденциальность, эпистемическая модальность, летописи.

Статья получена 20.04.2015

EKATERINA A. VLASOVA

THE USE OF *JAKO RECITATIVUM* IN RUSSIAN CHRONICLES OF THE ELEVENTH-SIXTEENTH CENTURIES

This paper describes historical changes in the pattern and semantics of the syntactic structure with *jako recitativum*, i.e., direct speech introduced by the particle *jako* ‘that, how’. This construction occurs widely in Russian chronicles of the eleventh through six-

teenth centuries. In some chronicles *jako recitativum* is used as a semantically neutral model of the reported speech, while in other chronicles it expresses the narrator's distancing himself from the content of the reported utterance as well as epistemic modality in situations related to gossip or deceit. It is shown that the modal use of *jako recitativum* is a result of functional distribution between two patterns of reported speech such as *jako recitativum* and indirect speech formed on the basis of a subordinate clause.

Key words: *jako recitativum*, reported speech, Old Russian syntax, subordinate clause, evidentiality, epistemic modality, chronicles.

Received on 20.04.2015